ՍՎԵՏԼԱՆԱ ՍԱՎԻՑԿԱՅԱ
Светлана Савицкая

Изабелла

Москва- Ереван 2013

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА

Светлана Савицкая
ՍՎԵՏԼԱՆԱ ՍԱՎԻՑԿԱՅԱ

ԻԶԱԲԵԼԼԱ

ИЗАБЕЛЛА

Վավերագրական պատմություն

ՍՎԵՏԼԱՆԱ ՍԱՎԻՑԿԱՅԱ

В книге использованы рисунки автора и фото из личного архива семьи Серазиевых.

ISBN 978- 5-8280-0109-8

© Svetlana Savickaya, Moskau

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА

Москва-Ереван 2013г.

ԻԶԱԲԵԼԼԱ

Վավերագրական պատմություն

ԻԶԱԲԵԼԼԱ
Չարենցի թոռան
Ռուբեն
Ուլանովի հուշերից և Չարենցի

բանաստեղծությունների հիման վրա

***

… Արևը վառվում էր այրվելով իր իսկ կրակով, ինչպես վառ սիրտը պոետի կանգնած սարի լանջին: Կարմիր արևը ամպերի և սարերի վրա ալ ճառագայթներ էր գցում, ինչպես արյան վերջին տաք կաթիլները: Եվ այդ արյունը խառնվում էր ճանապարհների փոշուն, հպարտ, երգեցիկ գետակին, ներկելով հինավուրց քարե կամուրջը:

Եղիշեի սիրտը խփում էր, ինչպես ճաքած զանգ, կանխազգալով մոտեցող մեծ վիշտ: Այդ տեղանքը, որտեղից բացվում էր Արարատի ամենալավ տեսքը, թվում էր երկարություն դեպի կյանք ու դար: Ինչքան է մտմտածել, ինչքան հիշել:

Մայր մտնող արևին նա էլ ցավով չէր նայում: Եվ նա նայում էր, մինչև մայրամուտի կաթիլը չլցվեց սրտի մեջ, ծտի նման թռվռալով: Նա ուզում էր ընկնել և համբուրել արևի վերջին ոսկեգույն հետքերը խոնավ հողի վրա:

***

… Իզաբելլային տանջում էր նույն կանխազգացումը: Աննպատակ շրջելով ազատ տան մեջ, նա մեկ նայում էր մայր մտնող մեծ պատուհաններից, մեկ սանրում դստեր մազերը, մեկ մոտենում պարսկական գորգերին, շոյում ձեռքերով, փակելով վշտով լի, մեծ աչքերը:

Ինչու չլսեց իրեն: Ինչու վերջին բանաստեղծությունները հանձնեց

տպագրության:

- Լռիր, կին, – եղել էր պատասխանը:

Ինչպես ավարտվեց այդ վտանգավոր այցելությունը Ստալինին:

Եղիշե Չարենցը միշտ անհանդուրժելի է եղել: Նա ազգի լեզուն է: Նրա սիրտը:

Նրա հպարտությունը:

Չարենցի կինը Իզաբելլան չգիտեր, ինչ անել - աղոթել, թե լալ: Հասած բալի նման շուրթերը դողացին: Սևացող աչքերի խորքում վախ առաջացավ Եղիշեի, դստրերի, բարեկամների և մոտիկների համար:

Մինչ հեղափոխությունը Իզաբելլայի հայրը Իրանից մետաքսի կոկոն էր

բերում: Գործարանը բարգավաճում էր: Բաքվում այդ կոկոններից մետաքս էին գործում, այն ժամանակվա ամենամասնագիտացված տեխնոլոգիայով: Նավթով հարուստ քաղաքը օգտվում էր պապի մետաքսի գործարանի ծառայություններից: Իզաբելլայի մայրը Աննան ամենագեղեցիկ մանեկենուհիներից էր , և գործարանատիրոջ տղան սիրահարվեց նրան:

Այսպես է Իզաբելլան լույս աշխարհ եկել: Եվ 1913 թվին, երբ նա երեք տարեկան էր, Իրանից եկող թանկարժեք ապրանքով քարավանը կողոպտեցին, գողացան:

Հորը սպանեցին:

Եվս մի ուժեղ հարված ստացավ ընտանիքը, երբ սկսվեց հեղափոխությունը: Պապին զրկեցին ունեցվածքից: Այրի

Աննան, նախկին գեղեցկուհին, չկորցրած էր յուրահատուկ գեղեցկությունը, ամուսնանում է երևանցի տպագրիչի հետ:

Աննայի քույրը Իզաբելլայն Մոսկվա է հրավիրվում: Աղջիկը տեղավորվում է հայկական նրբանցքում: Այդ տանը հիմա

հայկական դեսպանատունն է գտնվում, իսկ այն ժամանակ հայեր էին ապրում հարուստ և միջին խավի: Հիմնական ինտելիգենտ հայ համայնքը Մոսկվայի:

Այստեղ նա դպրոց գնաց: Ավարտեց տեխնիկումը: Ընդունվեց ինստիտուտ:

Ռուսերենը դարձավ նրա երկրորդ մայրենին: Ռուսական սովորույթները կանոնավորեցին նրա կյանքը:

…Մայրը Աննան ավելի շատ զբաղվում էր փոքր երեխաներով: Իսկ Իզաբելլայի մասին նա հիշում էր, երբ Երևանի դաշտավայրերում հասնում էր սև խաղողը, որը նրա աչքերի գույնին էր: Եվ գարնանը, երբ կանայք հավաքում էին խաղողի առաջին տերևները դոլմայի համար: Այդ տերևները նուրբ էին, շուտ էին մեծանում, ինչպես ուրիշի երեխաները : Տերևները տեղավորում էին տակառի մեջ: Հետագայում խաղողի տերևները կոշտանում էին : Իսկ այդ առաջին տերևները ինչ- որ բանով Աննային Իզաբելլային էին հիշեցնում…

1925 թվի դեկտեմբերյան վեջրին օրերը Մոսկվայում Սերգեյ Եսենինի մահով էին պատված: Հրատարակչության տուն գնում էին Եսենինի պոեզիայի ընկերները, մոտիկները,

երկրպագուները, որպեսզի պատվեն նրա պայծառ հիշատակը:

Ուսումնարանում իրարանցում էր: Աղջիկները տետրերում պոետի

բանաստեղծություններն էին արտագրում: Հրատարակչությունում լուրեր էին պտտվում նրա ինքնասպանության մասին, բայց հանգուծայլին եկեղեցին հուղարկավորեց բացարձակ եկեղեցական օրենքներով ,թեև շատ հոգևորականներ փսփսում էին, որ ինքնասպաններին չեն օծում, և իբր մահվան պատճառը ուրիշ է եղել: Անգամ Լենինի մահը մի տարի առաջ այսքան հանելուկային ու անհասկանալի չէր Իզաբելլայի համար:

Հուղարկավորության նա Վահանկովսկի գերեզմանոց եկավ համակուրսեցիների հետ : Ամենքը կարդացին այստեղ եսենինյան տողերից:

Քամին կառչում էր միայնակ խաչերից, տնքում ու սուլում էր քարերի միջով,
պատված մահվան դողով և վախեցած նրա սարսուռից: Մեկ փախչում էր
գերեզմանոցից քաղաք, որտեղ մոլորված գազանի պես հարձակվում էր ցուցանակների, մեկ նորից հայտնում գերեզմանների միջև, ճեղքում ձնակոցտերը և խենթորեն քշում տարբեր կողմեր:
Իզաբելլան ցնցվում էր և ատամները սեղմում, երբ քամին ուղղվում էր դեպի թարմ հողագունդը…

***

Առաջին անգամ Իզաբելլային Երևան հրավիրեցին քսանվեց թվին:

Գնացքը, որը լցված էր ծերունիներով և անդաստիրակներով, ճմրթած որդ էր

հիշեցնում: Մեծ վագոնները լցված էին բուրժույներով:

Е.Чаренц и Ав.Исаакян в Венеции на площади Св. Марка. 1924 г.

Изабелла Ниазян-Кодабашян (1909 – 1969).

Իզաբելլան և մորաքույրը վերևի և ներքևի հարկերն էին զբաղեցնում :

Բացելով պատուհանը, աղջիկը քամուն էր տալիս դեմքը, և ուրախանում, որ իր երկիր այնքան հզոր էր և որ այգիներում հասունացել էր հացը:

Կանգառներում կանայք վագոն էին խցկում եփած կարտոֆիլով փաթեթները,

թթու դրած վարունգներ ու արևածաղիկ: Իսկ արևելքում վաճառում էին

խնձորներ և ուրիշ մրգեր:

Վարդագույն տուֆի հայրենիքը հինգ տարի սովետական էր: Հեքիաթ-հայրենիք:

Երազանք-հայրենիք: Հայաստան: Հռոմեացիների և հույների հասակակից հայրենիք:

Գնացքի պատուհաններից կարելի էր տեսնել քարե կամուրջները, վանքի

քարերը, որոնք կառուցվել էին Ուրարտուի ժամանակներում, երբ հայկական պետությունը ծաղկման շրջանում էր և ձգտվում էր Կասպից ծովից մինչև Լիբանան: Ապրելով Մոկվայում, Իզաբելլան գրադարանից վերցնում և կարդում էր

այն ամենը, ինչ վերաբերվում էր իր արմատներին, հինավուրց Էջմիածնի

գրադարանին, հայկական Գրիգորյան եկեղեցուն (կառուցված ամենաառաջին

քրիստոնյաների կողմից այն ժամանակներում, երբ դեռ չէին կլիսվել ուղղափառներն ու կաթոլիկները): Նա կարդում

էր կարմիր բանակի հաղթանակի մասին, «Դաշնակցության» դեմ Օրջոնոկիձեի, Կիրովի և Սամարսկու մասին: Իսկ հիմա հետաքրքրությամբ նայում էր Աարատին, այնտեղից, որտեղից, աղավնին, ինչպես առասպելն է ասում, ձիթենու տերև բերեց Նոյի տապան:

Կայարանում շրջապատված բարեկամներով նա զգաց արևի համեն ամեն ինչում – կանաչի, չոր փոշու, բարցր լեռների փայփլուն սառույցների մեջ:

Իսկ վարդազույն ամպերը, ինչպես երազ, արտացոլվում էին շենքերի վարդագույն տուֆի վրա:

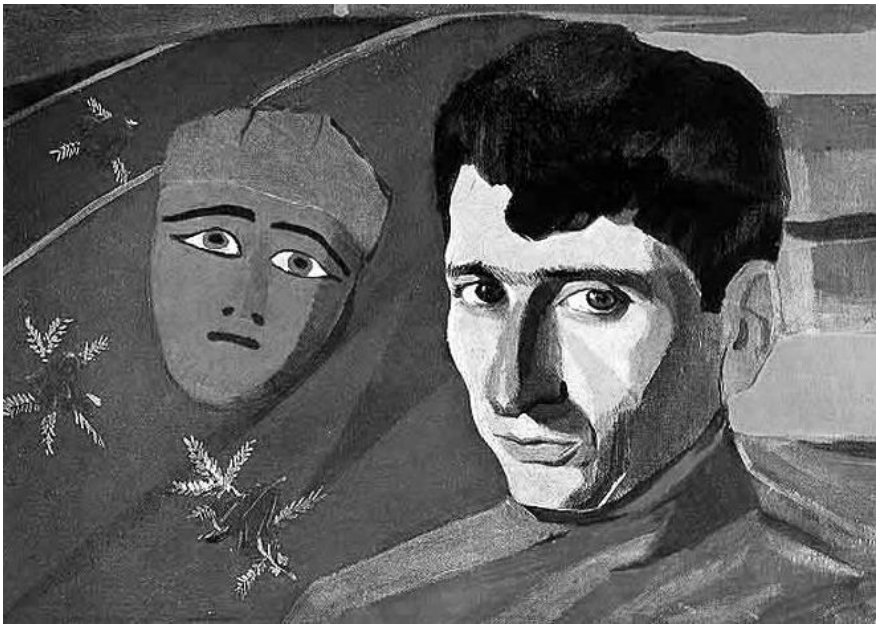
***

« Ես տանն եմ»,- առաջին միտքը, որ ծագեց Իգաբելլայի ուղեղում:

Մայրը նայում էր նրան, կարծես չէր ճանաչում: Մեկ հեռանում էր, մեկ շատ մոտենում, կարծես չէր հավատում աչքերին: Նա բացեց մեծ արկղի բերանը, չոքելով ծնկի վրա, հանեց անբնական գեղեցկությամբ զգեստներ բարակ կտորներից, որոնք կարելի էր մատանու միջով անցկացնել:

- Այս ամեն քոնն է, աղջիկս: Քո օժիտն է: Իզաբելլան մոտեցավ,կռացավ մինչև

մայրը նայեց նախշուն զգեստները: Ամենից շատ նրան



դուր եկան լաքից կոշիկները, "Կոժդետալ" գործարանի կնիքով:

- Հագիր,- ժպտաց մայրը շոյանքով մոտեցնելով նրա ճակատը իր շուրթերին:

Կոշիկը ճիշտ հագովն էր, մտածեց Իզաբելլան:

Բայց բարձր կրունկների վրա Իզաբելլան երբեք չէր քայլել, դրա համար անսովոր էր զգում իրեն:

- Ազատ քայլիր,- սովորեցնում էր մայրը, գլուխդ այնպես պահիր, կարծես թե նրա վրա կուժ կա ջրով: Գնա քայլ առ քայլ: Դեմքդ հպարտ: Հայացքդ ներքև իչեցիր,կարծես թե ինչ- որ բան ես ուզում ասել: Տղամարդու աչքերին մի նայիր: Նրանք դրանից գժվում են: Իսկ գու այնքան գեղեցիկ ես, բացվել ես, ինչպես հասմիկ ծաղիկ ամառվա գիշերում...

Արևի մայր մտնելուն պես, հովն ընկավ: Գրողները երեկո էին կազմակերպել:

Խորթ հայրը Իզաբելլային հրավիրել էր այդ երեկոյին: Նա ուղեկցում էր նրան հպարտ, կարծես թե իր հարազատ աղջիկը լիներ:

Պարծենալը տեղին էր:Մեծ աչքերը զարմացած պատանեկան հիացմունքով, փայլում էին հրեշտակային դեմքի վրա: Քանդակված եզրերը քթի հուզմունքից ցնցվում էին, երբ խոսում էր Իզաբելլան: Սև հոնքերը փռված էին ճակատին ծիծեռնակի թևերով:Իսկ այդ մարմինը: Նուրբ գծերը դեմքի: Փափուկ, թարմ շուրթերի անուշ դողոցը…

Համերգը վերափոխվեց երկար խնջույքի:Սեղանը ղեկավարում էր Հայաստանի գրողների միության նախագահ Եղիշե Չարենցը: Հավաքվել էին ոչ միայն գրականագետները,այլ գրեթե Երևանի բոլոր արվեստագետները: Եվ հենց

այստեղ էր ,որ պոետները կարդում էին իրենց վերջին , բանաստեղծությունները, կոմպոզիտորները երգում էին իրենց նոր երգերը,գրական վեճեր էին տեղի ունենում:

Աննան գոհունակությամբ դիտում էր, որ իր դասերն իզուր չէին եղել: Իզաբելլան

զգալով իր վրա բազմաթիվ հիացած հայացքները, իրեն հակիրճ էր պահում:

Անհարմար կոշիկին այնպես էր հարմարվել, որ թվում էր, թե ամբողջ կյանքը

բեմահարթակի վրա էր քայլել, աչքերի մեջ չնայելով և ժպտալով: Այդպես ժպտում էին երեխաները, երբ երջանկության են սպասում: Ճերմակ մարմնի վրա վառվռում էր պայձառ վարդագույնը, երբ որևէ մեկը հրավիրում էր նրան պարելու:

Աննան չէր կարող չնկատել, թե ինչպես Չարենցը հետևում իր աղջկան...

- Ինչպես է քո անունը,- հարցրեց նրան Եղիշեն:

- Իզաբելլա:

- Դու հրեա ես:

- Ինչու եք դուք հարցնում:

- Յաղ անունը հայկական չէ: Այսպես են անվանում աղջիկներին Իտալիայում, Ֆրանսիայում:

Ֆրանսերեն Բելը - գեղեցկուհի է նշանակում:

- Երբ ես ծնվեցի, խաղողը հասնում էր: Իզաբելլան խաղողի տեսակ է:

- Ես գիտեմ...

Նրանք կարծես թե լողում էին, երբ պարեցին առաջին անգամ :Եղիշեն նայում էր Իաբելլայի խոնարհ, անթարթ կոպերին: Նրան թվում էր, թե, երբ հայացքը կտրի, շատ կարևոր և հիասքանչ բան կկորցնի իր կյանքում: Նա այդպես չեր նայել ոչ մի կնոջ, անգամ իր սիրելի Արփենիկին, որը մաղացել էր ծննդաբերության ժամանակ:

- Դու գեղեցիկ ես:

Իզաբելլան ուսերն էր բարցրացնում և կարմրում կակաչի պես: Եղիշեն սկսեց կարդալ նրան իր բանաստեղծությունները, նրա հրապուրանքի և կանացի հմայչության մասին, որպեսզի աղջկա սրտում զգացմունքները արթնացնի:

- Եվ ինչքան կանանց եք դուք խելքահան արել ձեր բանաստեղծություններով,- հարցրեց Իզաբելլան ուղղելով իր պայծառ հայացքը պոետի աչքերին:

- Ոչտեղ ես սովորել այդպես նայել:

Բայց այդ պահին պարը ավարտվեց, և հարցը մնաց անպատասխան: Քանի դեռ Իզաբելլան չէր վերադարցել

Մոսկվայից, Եղիշեն դարցավ հրատարակչության պետի հաճախակի հյուրը:

- Ինչ ենք անելու,- հարցնում էր ամուսնուն Աննան, երբ Իզաբելլան իր սենյակն էր վերադառնում:

- Եղիշեն հայտնի անձնավորություն է,- պատասխանում էր հայրը:

- Թմրամոլ! Աղջկան գլխահան է անում! Մի օր այս բոլորը ես կասեմ նրան! Չէ որ նա ծերունի է աղջկա համար:

- Իսկ ինչու... Հիսուսի տարիքին է:

- Սուրբ ես գտել:

- Սպասիր, մայր, ինչ ես ձայնդ գլուխդ գցել: Եղիշեն ամեն տուն մուտք ունի:

Գրողների միության նախագահն է: Արտասահման է գնում: Լավ կապեր

ունի Մոսկվայի հետ: Սեփական բնակարանը կենտրոնում, Լենինի փողոտա, տուն 17, Օպերային թատրոնի մոտ…

Դա պատիվ է մեզ համար: Նրա ընտրությունը հզոր է: Աղջիկները

հերթով են նրանից կախվում: Իսկ նա Բելլային է ընտրել:

- Չգիտեմ,- ասում էր մայրը,- ինձ դուր չի գալիս այս ամենը...

Իզաբելլան պատրաստվում էր վերադառնալ Մոսկվա: Աղջկան, վերջին

խորհուրդները տալով, մայրը դոլմա էր փաթաթում ճանապարհի համար,

պայուսակների մեջ տեղավորում նվերներ բարեկամների համար, և

հանկարծ սպիտակ վարդերի փնջով ներխուժեց է Եղիշեն:

- Ես ուզում էի քեզ ասել, - սկսեց նա այնպես, կարծես Իզաբելլայից բացի ոչ մեկին այդ սենյակում չէր տեսնում:

- Պետք չէ, Եղիշե...

Քույրն ու մայրը, հասկանալով իրավիճակը, դուրս եկան: Չարենցը մոտեցավ Իզաբելլային, փնտրելով նրա հայացքը: Նա նայում էր նույն այն սիրալիր, ժպտացող հայացքով, ինչպես առաջին անգամ:

Խաղողի թունդ գինին արյան մեջ էր մտել, և Եղիշեն ատամները սեղմելով, զսպում էր , հուզմունքը ատամները սեղմելով:

- Մեր հանդիպումները,- նուրբ ասաց Իզաբելլան, ինչպես կասեյին հիվանդին,- ես ամեն անգամ ռետինով ջնջում եմ: Մեր միչև ոչինչ չի կարող լինել:

-Ջնջում ես,- վիրավորանքից բոունցքը սեղմելով ասաց Չարենցը,

բայց բնությունը վերցրեց իրենք: Նա իր գիրկն առավ փոքրիկ, անպաշտպան

էակին, խորտակվեց կախարդական շուրթերի ցովի մեջ, և պահեց նրան իր

գրկում, ամուր, մինչև որ Իզաբելլան չհոգնեց թպրտալ վախեցած ձկան

նման:

Չարենցը Իզաբելլային նամակներ չգրեց, այլ այցելեց նրան:

- Դու հայերեն խոսել չես մոռացել, Բել,- դիմավորեց նա մուտքի մոտ, աղջիկների շրջապատում, ոչ մեկի վրա ուշադրություն չդարձնելով:

Իզաբելլան կարմրեց արագ քայլքից: Ընկերուհիների մեջ միայն ինքն էր, որ

կոսմետիկա չէր օգտագործում, այդպես էր նրան ստեղծել բնությունը:

-Ով է նա,- հետաքրքրվում էին ընկերուհիները: -Նա իմ ընկերն է...

-Ը նկեր,- վիրավորված մտածեց Եղիշեն, բայց անմիջապես կարգավորեց իր միտքը, հայերեն պատասխանելով նրան.

- Ես երազում եմ երբև է քո ընկերը դառնալ:

Բարեկամները (մորաքույրը) արդեն սպասում էին: Երկար կերան ու խմեցին: Իսկ երբ հանդարտվեցին, Եղիշեն հրավիրեց Իզաբելլային քայլել գիշերային Մոսկվայի փողոցներով: Նա հիացմունքով համաձայնեց նայած որ, արդեն նախօրոք պատրաստել էր իր մերժումի խոսքը այդ դուրեկան, բայց իրեն ոչ մոտիկ մարդուն:

Մասուրի հոտը վարակել էր օդը: Նա, որոշ ժամանակ լուռ քայլեում էր, աչքը չկտրելով նրանից: Եվ վերջապես շրջելով նրան դեպի իրեն, հարցրեց.

- Քո կյանքում կա ինչ- որ մեկը:

-Ոչ,- մտածկոտ պատասխանեց Իզաբելլան: Նա արդեն խղճում էր նրան, և, որպեզի փոխվի մթնոլորտը, սկսեց կարդալ Եսենինի տողերը, որոնք երբև է գրի էր առել տետրում.

- Կորցրել էր Ռուսաստանը Մորդվայում...*

Աննկատ նրանք հասան մինչև աչափնյակ :

- Եսենինի տողերն են, - հարցրեց Չարենցը:

- Այո,- զարմացած պատասխանեց Իզաբելլան: Եսենինին քչերը գիտեին:

- Ես մի երազանք, թաքցնելով, նրբում եմ…*

Աշնան սուլոոցի տակ, - շարունակեց Եղիշեն: - Դու,- մի պահ լռելով, հարցրեց նա,- այն ժամանակ ասացիր, որ ռետինով ջնջում ես մեր հանդիպումները...

- Երբ,- ես չեմ հիշում...

- Ես հիշում եմ... Նա հանեց գրպանից խզբզված բլոկնոտը:

- Դու ասացիր, որ ջնջում ես մեր հանդիպումները: Իզաբելլա, փորցիր ջնջել այ սա...

Եվ նա սկսեց կարդալ: Դրանք բանաստեղծություններ էին: Իր ստեղծագործությունները, առանց թարգմանության: Հայերենով նրանք

հնչում էին նուրբ և հեքիաթայի. ամեն մի բառը, ինչպես համբույր, նրբորեն ներծծվում էր սրտի մեջ: Դրանք ուղղված էին Իզաբելլային, միայն նրան: Աղջիկը լսում էր, փակելով աչքերը, կարծես թե խմում էր մայրենի լեզվի կախարդական միտքը, և զգում հպարտ պոետի գեղեցիկ հոգին, պոետ, որը, այդ օտար քաղաքում, իրեն, միայն իրեն էր նվիրում ամենաթանկ բանը, որ ուներ,- հոգին:

Իզաբելլայի աչքերը փայլփլում էին, ինչպես գետակի ջուրը, արտացոլելով

հազարավոր աստղիկներ: Այնպես ցնցող էր պոետի աշխարհը, որը նա կիսում էր իր հետ:

- Ինձ, անգամ հետաքրքիր չէ,- խոսում էին նրա տողերը,- սիրում ես ինձ, թե չէ: Մեզ երկուսիս հերիք է իմ սերը: Անգամ,եթե դու ասես "չէ", ես, մեկ է, պիտի սիրեմ քեզ, իմ ուրախություն, իմ ցնորք, իմ սեր… - Ես կասեմ " այո,"- անհամարձակ դուրս թռավ Իզաբելլայի շուրթերից:

***

Նրանք ամուսնացան երեսունական թվին: Նա Իզաբելլային տարավ իր երևանյան տունը, որը պատված էր պարսկական գորգերով և մետաքսով:

Առաջնեկ աղջկան Արփիկ անվանեցին (Արփենիկ) իր մահացած կնոջ հիշատակին, երկրորդին Անահիտ:

Այդ ժամանակաընթացքում հրատարակվեց նրա հայտնի գիրքը «Երկիր Նայիրի», հռչակ բերելով պոետին, որը քննադատում էր «հեղափոխության թշնամիներին»:

" Գուցէ, իրոք նա անհադուրժելի է,- մտածում էր Իզաբելլան,- մի գուցե , իրոք պետք չէր խորանալ: Ում բանաստեղծություններ էին դրանք»: Այդ բանաստեղծությունները կարդում էր անճանաչ մի պոետ, վերջին հանդիպման ժամանակ,և այնպես

արտահայտիչ էր նայում, կարձես բոլոր բառերն իրեն էր ասում, ծնելով

կասկածանք և անհանգստություն: Դա հնչում էր ինչպես ահազան, ճակատագրի կանխազգուշացում...

Կինը բացեց գրադարանը: Հավանաբար նմանատիպը կարդացել էր Լերմոնտովի ստեղծագործություններում : Այո, իհարկե, Լերմոնտով էր:

Նյարդային թերթեց էջերը, գտավ այն, և գիրքը դողդողաց ձեռքերում.

"Չի ների քո հավատանքը դաժան փախուստը:

Ամեն մի քաղցր ժամի և պահի համար

Արցունքով և տխությունով դու կհատուցես ճակատագրին:

Ես տխուր եմ...որովհետև ուրախ ես դու..." *

- Որտեղ ես հիմա , Չարենց:

Նրա քայլերը փողոցից լսվեց : Իզաբելլան անհանգիստ գնաց դիմավորելու: Եղիշեն նրա մոտով անցավ չողջունելով, բարձրացավ երկրորդ հարկ, որը պատված էր ճինական մետաքսով:

Իզաբելլան նայմ էր կիսաբաց դռնից, թե ինչպես էր ամուսինը հավաքում

թղթերն ու ձեռագրերը, ինչ- որ բան վառում էր, որոշ մասը դարսում իրար վրա:

Նա բաց թողեց ծառային , սրճաղացով ինքը աղաց սուրճը, և Չարենցին մատուցեց իր ձեռքով եփած սուրճը:

Մտնելով նրա առանձնասենյակը և տեսնելով, թե ինչպես է նա նյարդային

տեղավորում փաստաթղթերը,- հարցրեց.

- Ինչ է պատահել:

- Մի խանգարի:

Նա շրջվեց, ձեռքով կպավ սուրճին, ցայելով վերջինս կնոջ երեսին:

Չարենցը բռնեց նրա ձեռքից արդեն դռան մոտ:

- Սպասիր: Ներիր... Այս ամենը պետք է թաքցնել հենց հիմա:

Հողը չոր էր ու թաք: Իզաբելլան այնտեղ փոքրիկ փոս փորեց , թաղեց

ձեռագրերով փաթեթը, ինչպես մահացած երեխայի: Ինչ է պատահել: Չլսեց իրեն Չարենցը:

***

Իզաբելլան իրեն մեղավոր էր զգում, որ չկարողացավ համոզել ամուսնուն.

ուրեմն անկարող էր կանացի ուժը: Հինգ տարի նրանք ապրեցին երջանիկ:

Բուլղարիա, Ռումինյա: Հատուկ երեկոներ: Ճարտարապետներ: Բանաստեղծներ: Ինչպես է պանիրը լողում յուղի մեջ - այդպեսէին նրանք ապրում Չարենցի

հետ: Չնայած սեփական նյարդայնությանը և գրգիռ բնավորությանը , Եղիշեն շատ էր սիրում կնոջն ու դստրերին:

Նախանձողների հորինած բամբասանքները Չարենցի ստեղծագործությունները մի այլ բանալինով էին բացում: Վտանգավոր փորցություն էր իշխանությանը

քննադատելը, և դա կարող էր վերածվել ինչի ասես:

Այս տոթ գիշերով Իզաբելլան դողում էր , ինչպես կդողար Վահանկովսկու

գերեզմանոցի սառնաշունչ քամուց: Քունքերում վախն էր մեխվել և ավելի

ուժգնացավ, երբ Եղիշեն հանկարծ ասաց:

- Հերիք է: Հավաքվիր: Գնում ենք:

- Ուր:

- Սևան:

- Ինչպես, գիշերվա կեսին:

- Ես ասացի, գնում ենք,- բորբոքվեց Չարենցը:Նրա աչքերից կայծ էր դուրս

գալիս : Սեղմում էր բռունցքները:

- Հավաքիր երեխաներին:

***

Վարպետ - այսպես են անվանում Հայաստանում իրենց գործը գերազանց հասկացող մարդկանց: Հիշողության մեջ - վարպետ են մնացել ժողովրդական նկարիչ Մարտիրոս Սարյանը, գրող Հովհաննես Թումանյանը: Պոեզիայի վարպետ էր Եղիշե Չարենցը: Նա զգում էր դա իր մեծ տաղանդը: Տաղանդը չէս մատնի հարբեցողությամբ, ծխելով կամ թափառելով:

Տաղանդը հնարավոր չէ գնել: Եվ անգամ գողանալ: Այն գեներով տրվում է բազմանում, միանում ուրիշ ուժերի հետ և ծնվածը նման է հագուտով ծնվածնորածնի: Արդյոք երջանկություն է դա:

Նա մեծ ուրախությամբ էր ընդունում նոր ուղղությունները: Ինչպիսի բանաստեղծություններ էր գրում: Պոեմներ: "Մատաղ կրակ " շարքում , որը ստեղծվել էր կուսակցության շարքերը մտնելուց հետո, նա գովում էր հեղափոխության հերոսներին, իսկ "Էպիկաքան արշալույսը" արտահայտում էին նրա կերպարը…

Այդ դեպքում ինչու էր նա այդպես ծանր նայում էր վանքի պատուհանից ներս,

կարծես թե նայում էր մահվան դատարկ աչքերին, կամ էլ հավերժությանը: Ինչ բաց թողեց: Ինչը այնպես չարեց: Որտեղ սխալվեց:

Մեքենան նրանց Սևան էր տանում: Ճանապարհը սլանում էր դաշտերի միջով:

Նայելով հինարվուց Արարատին , նրա հին գագաթին , նա հայրենիքը թողած հողը նախնիների երազներն էր տեսնում, ընդունում նրանց ինչպես ժառանգություն:

Լճում արդեն մութ գիշեր էր: Սարերը ալիքաձև լուսավորում էին մուգ -կապույտ երկնակամարը: Սուրբ սարի գագաթը կարմիր, թափանցիկ ամպի նման լողում էր

այդ կապույտում, երկնքի և երկրի միջև, անցյալի և ապագայի միջև:

Պոետը հանկարծ ցանկացավ նստել իր աշխատասեղանի առջև և գրել

թավշյա սարերի մասին, գեշերային լճի մասին , անթարթ աչքերով հետևելով

հավիտենական աստղերի շարքը:

***

Այս գիշեր նա չէր քնել, մոտեում էր մեկ Անահիտին, մեկ Արփիկին,

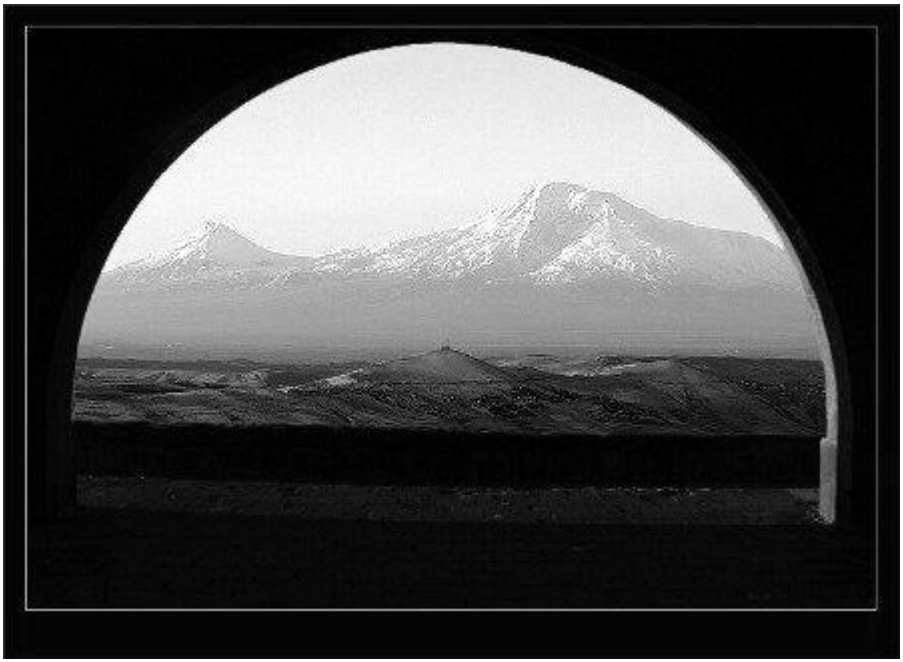
հիանում նրանց անմեղությամբ: Ականջ էր դնում Իզաբելլայի անհանգիստ

տրտունջներին, որը քնի մեջ կարծես Աստծու հետ էր խոսում, անլեզու նորածնի նման: Եղիշեի կուրծքը սեղմում էր, կկարողանար էր նա արդյոք պաշտպան իր սերը, իր մտերիմ ու հավատարիմ ընկերոջը:

Արևը արթնանում էր տոնական տրամադրությամբ ծնվելով երկրի մյուս ծայրում, խառնելով հեռավոր սարերը, բաժանելով երկինքն ու երկիրը, արտացոլվելով խաղաղ լճի մակերեսին: Վերջապես լուսացավ, մութը կուլ տվեց թափանցիկ մանուշակագույն ստվերը: Առավոտյան

դաշտերում դեռ սառնաշունչ էր օդը: Եվ հանկարծ դուրս եկավ տաք արևը,վառվող կրակով, ինչպես ապագան մեր առջև :

Եղիշեն շտապում էր, գոնե մի հատ էլ ձուկ բռներ: Լիճը կարծես շրջվել էր գիշերվա սև կողմը և հանկարծ ալ դարձավ: Այս ամենը Եղիշեին դահիճի սև թիկնոց էին հիշեցնում կարմիր աստառով, որի շնորհիվ չէին երևում նրա վրայի արյան կաթիլները:



Об основных вехах жизненного и творческого пути Чаренца рассказал ведущий вечера Эммануил Долбакян

Презентация повести Светланы Савицкой «Изабелла» в Некрасовке. 2001 год. Армянское общество в Москве.

ИЗАБЕЛЛА

Документальная повесть

По воспоминаниям внука Изабеллы Чаренц
Рубена Уланова и по стихам поэта

***

...Солнце горело, самосжигаясь в своем же огне, как яркое сердце поэта, стоящего подле него на горном склоне. Красное солнце разбрызгивало по облакам и скалистым изгибам алые лучи, точно капли теплой последней крови. И эта кровь мешалась с пылью дорог, растворялась в гордой журчащей реке, окрашивала древний арочный каменный мост.

Сердце Егише билось, как надтреснутый колокол, предчувствуя большую надвигающуюся беду. Восхождение сюда, где открывался лучший вид на Арарат, показалось ему длиною в жизнь, в целый век! Сколько передумал он! Сколько вспомнил!

На заходящее солнце смотреть было совсем не больно. И он смотрел, пока капля заката не проникла в его грудь, затрепетав багровой птицей. Ему хотелось упасть и целовать последние золотящиеся следы солнца на влажных угодьях пашни...

***

...Изабеллу мучило то же предчувствие. Бесцельно мотаясь по просторному дому, она то глядела на уходящее солнце в большие окна, то расчесывала дочуркам волосы, то подходила к персидскому ковру и гладила его руками, закрыв большие печальные глаза.

Зачем он не послушал ее? Зачем отдал в печать последние стихи?

- Молчи, женщина! - был ответ.

Чем закончилась эта опасная поездка к Сталину?

Егише Чаренц всегда был непреклонен. Язык народа. Его сердце. Его гордость.

Жена Чаренца Изабелла не знала, что делать ей - молиться или рыдать. Губы цвета перезрелой вишни дрожали.

В глубине чернеющих глаз, как на дне колодца, появился страх за Егише, за дочурок, за родных и близких...

...Отец Изабеллы до революции привозил из Ирана коконы тутового шелкопряда. Фабрика процветала. В Баку коконы гусениц раскручивали, превращая их с использованием, по тогдашним временам, самых специализированных технологий в превосходные шелка. Богатый нефтяной город охотно пользовался услугами ателье шелковой фабрики деда. Мать Изабеллы Анна была самой красивой манекенщицей. И сын фабриканта влюбился в нее. Так Изабелла появилась на свет. В 1913-ом, когда ей было три года, караван, везший очередную партию товара из Ирана, разграбили. Отца убили.

Еще один мощный удар нанесла по семье революция. Деда раскулачили. Вдовствующая Анна, бывшая манекенщица, не утратившая редкостной красоты, вышла замуж за ереванского издателя, начальника типографии.

Сестра Анны забрала Изабеллу в Москву. И девочка поселилась в Армянском переулке. В этом доме сейчас находится армянское посольство, а тогда жили армяне, средние и зажиточные. В основном, интеллигенция армянской диаспоры в Москве.

Здесь она пошла в школу. Окончила статистический техникум. Поступила в институт. Русский язык стал для нее вторым родным языком. Русские обычаи "цивилизованной" Москвы корректировали законы ее жизни...

...Мать Анна больше занималась младшими детьми. Об Изабелле ее сердце болело, только когда созревал в долинах Еревана черный терпкий виноград, цвета милых глаз дочери. И еще весной, когда женщины собирали с лозы первые листья-пасынки для далмы, на каждом кистевом обрезке. Эти листья нежные. Они вырастают быстро. Как чужие дети. Их укладывают в бочки, пока они мягкие. В дальнейшем лист винограда черствеет, а эти первые чем-то так напоминали Анне нежную Изабеллу...

***

Последние дни декабря 1925 года в Москве были омрачены прощанием с Сергеем Есениным. К Дому печати (ныне Центральному дому журналистов на Суворовском бульваре) потянулись друзья, близкие и поклонники поэзии Есенина, чтобы почтить его светлую память.

Техникум гудел. В тетрадках девчонки переписывали стихи поэта. В печати прошли официальные версии о самоубийстве. Но над телом произвели отпевание по всем законам христианской церкви. В кулуарах шушукались, что самоубийц не отпевают и что причина смерти совсем в другом. Даже смерть Ленина год назад не была для Изабеллы столь загадочной и безысходной.

С сокурсницами пришла она на Ваганьковское кладбище на следующий день после похорон. Леденящий

ветер сбивал их с ног. Но каждая прочла здесь любимые есенинские стихи.

" В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень...
Там в полях, за синей гущей лога
В зелени озер
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор..."

Ветер цеплялся за одинокие кресты, выл и бесновался среди каменных плит. Испуганный, охваченный смертельной дрожью, он бежал от кладбища и, как заблудившийся в городе зверь, бросался на вывески, снова и снова возникал среди могил, срывал клочьями снег и гнал его в разные стороны обезумевшим стадом.

Изабелла вздрагивала, когда он поворачивал вспять к свежей горке земли и с неистовством разрывал ее зубами.

***

Первый раз в Ереван пригласили ее в двадцать шестом.

Поезд, набитый доверху старухами, тюками, беспризорниками, напоминал лохматую пыхтящую гусеницу. В купейных вагонах устроились "нэпманы" и " недорезанные буржуи".

Изабелла и тетушка, оберегающая ее целомудрие, занимали верхнюю и нижнюю полку. Приоткрыв окно, девушка подставляла лицо свежему ветру, радуясь, что ее страна так велика, что вызрел на полях хлеб.

На станциях тетки совали в вагон кулечки с вареной картошкой, солеными огурцами, семечками. Дальше на юг появились яблоки и другие фрукты.

Страна розового туфа уже пять лет была советской. Страна-сказка. Страна-мечта. Армения. Ровесница цивилизаций древних греков и римлян.

В окна поезда можно было разглядеть древние арочные каменные мосты, благородные камни у храмов, возможно, сохранившиеся со времен Урарту, когда Армянское государство в период расцвета простиралось от Каспийского моря до Ливии.

Живя в Москве, Изабелла брала в библиотеке и жадно читала все, что касалось ее корней, и о древнейшей библиотеке Эчмиадзин, вырубленной в скалах, и об армянской Григорианской церкви, построенной приверженцами веры ответвления ранних христиан, во времена, когда не было еще деления на православных и католиков, и о победах Красной Армии над «Дашнакцутюном» Орджоникидзе, Кирова и Самурского. А теперь с любопытством поглядывала на гору Арарат, откуда, по легенде, голубь принес Ною в ковчег оливковую ветвь.

Среди галдящих многочисленных родственников на вокзале она ощутила привкус солнца во всем - в разомлевшей траве, в иссушенной пыли, в отблесках белых льдов горных вершин. И розовые небеса, как сны, отражались в розовом туфе зданий.

«Я дома». - Первое, что подумала Изабелла.

***

Мать глядела на нее, будто не узнавая. То отходила далеко, прищуриваясь, то приближалась совсем близко, будто не признавая себя в дочери. Открыв увесистую крышку сундука, стала на колени, доставая необыкновенной красоты наряды из тонких тканей, которые можно было продеть в кольцо.

- Это все твое, дочка. Твое приданое.

Изабелла подошла и опустилась рядом с матерью, разглядывая разноцветье одежды. Больше всего ей понравились крепкие лаковые босоножки, переплетенные впереди, с печатями завода "Кождеталь".

- Одень, - улыбнулась мать, ласково прижав ее лоб к губам.

Обувь пришлась в пору. Но на каблуках Изабелла никогда не ходила, поэтому чувствовала себя неловко.

- Иди свободно, - учила мать, - голову держи так, как будто на ней стоит кувшин с водой. Иди след в след. Лицо вперед гордо! Взгляд приспусти вниз, как будто хочешь что-то

сказать. Мужчине в глаза не гляди. Они от этого дуреют. А ты у меня такая красавица! Распустилась, как жасмина цветок в летнюю ночь...

***

С заходом солнца жара спала. Вечер литераторов собирал гостей. Отчим пригласил Изабеллу на этот литературный праздник и теперь гордо вел ее под руку, как будто это была его родная дочь.

А похвастаться действительно было чем. Большие, умные, точно удивленные, глаза на ангельском личике раскрывались на все в неописуемом восторге юности. Точеные крылья носа чувственно вздрагивали, когда Изабелла говорила. Черные брови взлетали изгибами крыльев ласточки. А эта кожа! И нежный овал лица! И милый трепет мягких свежих губ...

Концерт вылился в длительное шумное застолье.

Во главе стола восседал председатель Союза писателей Армении Егише Чаренц. Собрались не только литераторы, но почти вся творческая интеллигенция Еревана. И именно теперь, во время неофициальной части, читали поэты свои последние стихи, пели новые песни композиторы, велись литературные споры.

Анна с удовлетворением наблюдала, что ее уроки не пропали даром. Изабелла, чувствуя на себе многочисленные восторженные взгляды, вела себя безупречно. "Трудной" обувью овладела так, точно всю жизнь ходила по подиуму след в след, не глядя в глаза и улыбаясь, как дети улыбаются в ожидании счастья. На белоснежной коже вспыхивал яркий румянец, когда кто-нибудь приглашал ее танцевать.

Анна не могла не заметить также, как Чаренц пристально следит за ее дочерью...

***

- Как тебя зовут? - спросил ее Егише.

- Изабелла.

- Ты еврейка?

- Почему вы спрашиваете?

- Это не армянское имя. Так зовут девушек в Италии. Во Франции. По-французски Бель значит «красавица».

- Когда я родилась, виноград входил в силу. Изабелла - это сорт винограда.

- Я знаю...

Они плыли в своем первом танце. Егише смотрел на опущенные веки Изабеллы неотрывно. Ему казалось, что если он оторвет взгляд, то упустит что-то самое важное, самое замечательное в своей жизни. Так на женщин он не смотрел никогда, даже на свою первую жену Арпиник, которая умерла при родах.

- Ты красивая.

Изабелла пожала плечами, зардевшись, как маков цвет. Егише стал читать ей стихи о том, как она ему нравится, о женском очаровании, надеясь пробудить в девушке взаимность.

- Скольких женщин этими стихами вы свели с ума? - спросила, выслушав, Изабелла и вдруг искристо взглянула в глаза знаменитого поэта. Глянула так неожиданно смело, что Егише пробила дрожь. Подумать только! Девчонка! И это он мог пропустить!

- Где научилась ты так смотреть?

Но тут танец кончился, оставив вопрос без ответа.

Пока Изабелла не уехала в Москву, Егише стал частым гостем в доме начальника типографии.

- Что будем делать?- спрашивала Анна у мужа, когда Изабелла уходила к себе в комнату.

- Егише - известная личность!- уклончиво говорил тот.

- Прохвост! Наркоман! Вскружит девчонке голову! Ох, я как-нибудь все ему скажу! Он же старик для нее!

- Ну почему же... Возраст Иисуса Христа.

- Тоже мне, святой нашелся!

- Погоди, мать, не шуми. Егише вхож в любой дом. Председатель Союза писателей. По заграницам ездит. С Москвой у него прекрасные связи. Своя квартира в центре, на Ленина 17, возле Оперного театра... Это честь для нас. Ведь выбор у него огромен. Девчонки пачками на нем виснут. А он нашу Беллу присмотрел.

- Не знаю, - говорила мать, - не нравится мне все это.

***

Изабелла собиралась в Москву. Давая дочери последние напутствия, мать заворачивала далму в дорогу, укладывала в сумки подарки для московских родственников, когда Егише вошел с охапкой белых роз.

- Я хотел тебе сказать... - начал он так, словно в комнате, кроме Изабеллы, не было никого, а может быть, он никого и не видел.

- Не надо, Егише...

Мать с сестрой понимающе вышли.

Он подошел близко, напряженно ища ее прямой взгляд. И она взглянула так же, как и в первый раз, улыбающимися глазами.

Виноградное терпкое вино забилось в крови Егише, он сжал зубы, чтобы сдержать себя в порыве страсти.

- Наши встречи, - мягко сказала Изабелла, как говорят больному, - я каждый раз как будто стираю резинкой. Между нами ничего быть не может.

- Стираешь? - скрутил обиду в кулаки Чаренц, но природа взяла свое. Он сгреб ее, маленькую, беззащитную, в охапку и потом, как в омут с головой, нырнул в прохладу волшебных губ, прижался к ней с нежной силой и не дышал, пока Изабелла не устала биться в его руках перепуганной рыбкой.

***

Он не писал ей писем. Он приехал сам.

- Ты не разучилась говорить по-армянски, Бель? - встретил он ее, идущую в стайке девчонок, возле подъезда, ни на кого, кроме нее, не обращая внимания.

Изабелла разрумянилась от быстрой ходьбы. Среди подружек она одна не пользовалась косметикой, так ярко одарила ее природа.

- Кто это? - посыпались их кокетливые вопросы.

- Это мой друг...

- Друг?- опять вспыхнул Егише, посчитав это чуть ли не обидой, но тут же взял себя в руки, а по-армянски сказал, точно прожурчал ручейком: - Я только надеюсь когда-нибудь стать тебе другом.

В доме тетушки их уже ждали. Долго ели и пили. А когда угомонились и Егише предложил ей пройтись по вечерней Москве, она с удовольствием согласилась, выстраивая в уме свой отказ этому симпатичному, но совсем чужому для нее человеку.

Запах шиповника напитывал воздух. Он некоторое время шел молча, сведя две упрямые черточки на переносице. Потом развернул ее к себе и спросил:

- У тебя есть кто-нибудь?

- Нет, - не задумываясь ответила Изабелла. Ей было его уже почти жалко, и, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, она стала читать ему стихи Есенина, какие переписывала когда-то в тетрадку...

- Затерялась Русь в Мордве и Чуди,

Нипочем ей страх.

И идут по той дороге люди,

Люди в кандалах...

Незаметно они дошли до набережной.

- Есенин? - спросил он.

- Да, - удивилась она: Есенина тогда знали немногие.

- Я одну мечту, скрывая, нежу:

Что я сердцем чист,

Но и я кого-нибудь зарежу под осенний свист... - продолжил Егише. - Ты, - помолчав, добавил он, - тогда сказала, что стираешь наши встречи, словно ластиком...

- Когда? Я не помню…

- Помню я...

Он достал из кармана исписанный мелким почерком блокнот.

- Ты сказала, что стираешь наши встречи, Изабелла. Попробуй-ка стереть вот это...

И он стал читать. Это были стихи. Его стихи. Стихи без перевода. На армянском они звучали мягко и сказочно, вторя плеску волн Москвы-реки. Каждое слово, как поцелуй, нежно присасывалось прямо к сердцу. Стихи были посвящены ей, Изабелле. И только ей. Закрыв глаза, девушка слушала, точно пила волшебный смысл родного языка, уходя в необратимый водоворот красоты души гордого поэта, который, волнуясь, ей первой, ей одной, посреди чужого города, дарил самое дорогое, что у него было, - свою душу.Глаза Изабеллы блестели, как речная вода, отражавшая тысячи звезд и Млечный Путь. Так потрясающ был его мир, которым он щедро делился с нею.

- Мне даже неинтересно знать, - говорили его стихи, - любишь ли ты меня. Нам хватит на двоих одной моей любви. Даже если ты скажешь "нет", я все равно буду любить тебя, мой восторг, моя радость, мое вдохновение...

- Я скажу "да"! - невольно слетело с губ Изабеллы.

***

Они поженились в тридцатом году. Он забрал ее в свой роскошный ереванский дом, убранный персидскими коврами, отделанный вместо обоев дорогим шелком.

Первую дочь назвали Арпик (Арпиник) в честь его покойной супруги. Вторую Анаид. К тому времени вышла знаменитая книга Чаренца - роман "Страна Наири", принесший поэту мировую известность, сатирически высмеивающий "врагов революции".

***

"А может быть, и вправду он неуязвим? - думала Изабелла. – Может, и вправду не стоило мне встревать? Чьи же это были стихи?» Их прочел неизвестный поэт на последнем вечере, так выразительно на нее посмотрев, как будто говорил

все слова лично для нее, зародив подозрение и тревогу. Это прозвучало, как угроза, как предупреждение судьбы...

Женщина открыла книжный шкаф. По всей вероятности, она уже когда-то читала что-то подобное у Лермонтова. Ну вот же, конечно, это Лермонтов!

Нервно листая страницы, нашла то, от чего книжка задрожала в руках:

"Не пощадит молвы коварное гоненье.

За каждый сладкий час и сладкое мгновенье

Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.

Мне грустно... потому что весело тебе..."

- Где же ты, Чаренц?

Его шаги она угадала еще с улицы. Вышла взволнованно навстречу. Егише прошел мимо нее, не поздоровавшись, на второй этаж, отделанный китайским шелком.

Изабелла глядела в полуоткрытую дверь, как муж собирал бумаги и рукописи, что-то сжигал, что-то откладывал в стопочку на столе.

Она отпустила служанку, сама в кофемолке измельчила кофе, приготовила и принесла Чаренцу на золоченом подносе.

Тревожно войдя к нему в кабинет, остановилась подле него, нервозно перекладывающего какие-то документы.

- Что случилось? - спросила она.

- Отстань!

Резко обернувшись, он ударил по подносу рукой, и кофе обрызгало ей лицо.

Чаренц поймал ее за руку уже у дверей.

- Погоди!.. Прости!.. Вот это надо спрятать. Прямо сейчас.

***

Земля была сухой и теплой. Выкопав небольшую ямку, Изабелла бережно уложила в нее завернутые в кусок материи рукописи, точно мертвого ребенка.

Наскоро набросала на них земли, разровняла ладонями.

В слезах дрожала обида. Он не послушал ее тогда. Изабелла чувствовала себя виноватой за то, что не смогла убедить его. Значит, не хватило в ней женской силы, женского сдерживающего начала.

Пять лет они жили счастливо. Болгария. Румыния. Званые вечера. Скульпторы. Писатели. Поэты. Как сыр катается в масле - так они жили с Чаренцем. Несмотря на всю свою вспыльчивость и нервозность, Егише очень любил ее и дочек.

Последнее опубликованное стихотворение можно было рассматривать двояко, с подтекстом и без подтекста. Но умело сочиненный донос завистников раскрывал произведение Чаренца совсем в ином ключе. Опасная стезя - критиковать власть, это могло вылиться во что угодно.

Этой жаркой ночью ее пробивала дрожь, как от леденящего ветра Ваганьковского кладбища. Страх стучал в висках и только усилился, когда Егише вдруг сказал:

- Все! Собирайся! Поехали!

- Куда?

- На Севан.

- Как? В ночь?

- Я сказал, поехали! - вскричал Чаренц.

Глаза его метали молнии. Кулаки сжимались. На скулах играли желваки.

- Собирай детей!..

***

Варпет - так называют в Армении больших настоящих мастеров своего дела. Варпетами остались в памяти народный художник Мартирос Сарьян, писатель Ованес Туманян. Варпетом поэзии был Егише Чаренц. Он чувствовал это, как может чувствовать неординарный человек свой талант. Талант не пропьешь, не прокуришь и не прогуляешь. Талант нельзя купить. И даже нельзя украсть. Он генетически вдруг проклевывается один из тысячи, напитываясь силою всех

предыдущих поколений. И рожденный с талантом похож на рожденного в рубашке. Но счастье ли это?

Как радостно принимал он новые веяния! Какие писал стихи! Поэмы! В цикле "Жертвенный огонь", созданном после вступления в партию, воспевал он героику революции. Сборники "Эпический рассвет" и "Книга пути" воплощали ее образ...

Почему же так тяжело смотреть ему в окна старинного храма, точно в пустые глазницы смерти? Или вечности? Что упустил он? Что сделал не так?

Машина везла их на Севан. Дорога извивалась полями, синела впереди у скалистых изгибов.

Глядя на древнейшую гору Арарат, оставшуюся теперь там, за кордоном, ее белоснежную вершину, он точно вбирал в себя сны покинувших землю предков, принимая их как запоздалое наследство.

На озере уже чернела ночь. Гребень гор волнистой линией светился на густо-синем фоне неба. Вершина святой горы прозрачно-лиловым облаком плыла в этой синеве между небом и землей, между прошлым и будущим.

Хотелось сесть за рабочий стол и написать о бархатных горах и черном спящем озере, неподвижным зрачком следящим за движением вечных звезд.

***

Эту ночь он почти не спал, подходил то к Анаиде, то к Арпиник, любуясь их невинностью. Прислушивался к тому, как беспокойно постанывала во сне Изабелла, разговаривая с Богом жалобным бессловесным языком беззащитного младенца.

Грудь Егише теснило от скорби. Сможет ли он защитить ее, свою любовь, своего лучшего друга?

***

Солнце просыпалось торжественно и церемонно. Рождаясь где-то там за краем света и тьмы, вызолачивало дальние горы, разделив небо и землю, отразившись дальними всполохами в спокойном озере. Наконец весь хребет стал лишь прозрачно-фиолетовой тенью. В утреннем поле было еще прохладно. Еще не тревожил, не властвовал зной. И вот взошло Оно, неумолимое и горячее, как будущее восходит над нами.

Егише торопился поймать ну хоть еще одну рыбину.

Но рыба, похоже, из глубины тоже наблюдала за рождением дня. Озеро точно повернуло черную сторону ночи и стало вдруг алым. Все это напоминало Егише накидку палача, одетого в черный плащ с красной подкладкой, чтобы на нем не было видно крови.

Звенящая жаркая тишина накалялась. Он ждал. И боялся того, чего ждал.

Он не услышал, а угадал приближающуюся машину. Чаренц знал, что приехали за ним.

Зачем-то выбежала Изабелла с Анаидой на руках. Инстинкт диктовал ей защитить семью с помощью ребенка. Ведь для армян весь смысл жизни состоит в детях. Она держала Анаиду, как икону перед завоевателями.

- Егише Чаренц? - спросил маленький человечек в вороненой кожаной курточке, что вылез из машины первым. Его крошечные ножки казались игрушечными в начищенных до блеска сапогах. Он шел, точно подпрыгивая, как ходят, выпрямляясь, маленькие люди, стараясь быть выше и значительнее.

- Да, - сощурил свысока Егише на него умные усталые карие глаза. Отложил удочку. Выпрямился во весь свой рост. Глянул с достоинством и гордостью за свое названное имя.

- Настоящая фамилия Согомонян? - издевательски продолжал человечек.

- Да...

Изабелла замерла. Где-то в доме заплакала Арпик.

- Пройдемте...

Чаренц в последний раз окинул взглядом озеро и горы, остановил движением руки метнувшуюся к нему Изабеллу и покорно сел в машину.

***

С Севана его забрали прямо в ереванскую тюрьму. Забрали как "врага народа, активно выступающего в печати против Советской власти". Сфабрикованный "друзьями" донос о том, что Чаренц высказывал недовольство, митинговал и прочее, возымел свое действие...

Изабелла приходила в тюрьму, чтобы принести передачу, забрать для стирки одежду. К политзаключенным не пускали. "От сумы да от тюрьмы не зарекайся" - напомнила о себе мудрая пословица.

Так рай превратился в ад. Или Ее Величество Судьба надела плащ наизнанку. Родственники избегали Изабеллу. Друзья перестали здороваться.

А в середине ноября вдруг выпал снег. Померзла вся хурма. В Ереванской долине было еще тепло, но чуть выше в горы уже пришел холод - долгий, неотвратимый, жестокий, как сама жизнь.

Деньги кончились. Прислуга давно ушла. Изабелла с детьми жила теперь на кухне, потому что большой каменный дом отапливать было просто нечем.

На белой рубашке Егише, принесенной в последний раз из тюрьмы и замоченной в теплой воде, вдруг появились буквы, написанные химическим карандашом:

"Изабелла! Мне не выйти. Спасай себя и детей!"

Рубашка выпала из рук в белую мыльную пену. Слез уже давно не было. Осталось лишь одно лихорадочное биение сердца и страх, от которого некуда было деться все эти три страшных месяца. Куда? Куда ей бежать? Как спасаться, если при обыске она подписала бумагу о невыезде? Да и на какие средства выезжать? Может быть, продать ковры?

"...Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.

Мне грустно... потому что весело тебе..."

Кто же этот "доброжелатель", которому счастье Чаренцев застило глаза?

Но Изабелла не знала, что это было всего лишь Горе, а настоящая Беда ждала впереди.

***

На четвертый месяц "вороны" забрали и ее.

- Ваш муж - враг народа. Подпишите, что это так. И вас отпустят. Подумайте. У вас есть время...

...Есть в жизни ценности, которым нет цены. Изабелла сидела в одиночной камере и решала извечный вопрос: кто она и зачем пришла в этот мир?

На ум приходила одна легенда Василия Мировича, подпоручика Смоленского полка, пытавшегося когда-то освободить из Шлиссельбургской крепости Ивана VI и казненного за это.

- Отдай мне самое дорогое, и я вылечу тебя, - сказала Добрая Волшебница маленькой птичке, которая лежала на

пустынном морском берегу и умирала. Кровь быстрыми каплями выступала из раны на ее груди и падала на белый песок, унося жизнь из крошечного тельца.

«Самое дорогое - это жизнь, - подумала птичка. - Стоит ли Доброй Волшебнице забирать у меня жизнь, которую она сама дает мне? Добрая Волшебница, верно, шутит».

И, взглянув на нее потухающими глазами, птичка прошептала:

- Хорошо, вылечи! Отдам тебе самое дорогое.

Волшебница дотронулась своим жезлом до ее ранки - ранка зажила, и птичка радостно встрепенулась, ожившая и здоровая.

- А теперь отдай мне твои крылья! - сказала Волшебница.

- Нет! - сказала птичка, вздрогнув. - Нет! Ни за что!

- Разве они не самое дорогое для тебя?

- Потому-то я не могу отдать тебе их! - тихо прошептала птичка. - Сделай лучше так, чтобы я умерла. Лучше не жить совсем, чем жить и не летать.

- Лети, - сказала Волшебница, - я не хочу твоей смерти. Но помни, что самое дорогое всегда дороже жизни.

...Изабелла, конечно, знала, что Егише - не враг народа. Но кому что докажешь? Она - лишь слабая женщина. Лишь маленькая израненная птичка. Она - лишь строчка в протоколе,

которую поставило перед выбором непростое сталинское Время.

"Если я откажусь от него - я и мои дети останутся живы. Мир придет в наш дом. Может быть, вернется благополучие. Помогут родственники..."

Дети - было самое дорогое для нее. Самое-самое! Как и для всех армян. За ребенка, за его волосок, за тревожный крик Изабелла, как волчица, готова была в любое время разодрать зубами на куски любого. За них, не задумываясь, отдала бы она свою жизнь. Как-то Чаренц спросил ее: если бы она встала перед выбором, за кого бы отдала жизнь, за него или за детей?

- За детей - да! За тебя - нет! - ответила Изабелла, гордо глянув на любимого, угадывая, не обиделся ли он.

Он не обиделся. Понял. Есть закон жизни, который выше любви.

А теперь...

Поймут ли они, когда вырастут, что мать отказалась от своих крыльев ради их жизни?

Нет! Гордость крови, сила Таланта, Истина оказались сильнее инстинкта продолжения рода. Внутреннее Благородство диктовало пойти на Страх. Бросить вызов Несправедливости. Это высшее проявление Любви не только к мужу, но и ко всему народу необъятной Родины, культуре Есенина, Мировича, древней горе Арарат... К своим детям...

- Я не смогу это предать, - поняла Изабелла.

***

- Раз вы не подписываетесь, значит вы - соучастница, а стало быть, тоже враг народа.

...Полгода в одиночной камере Ереванской тюрьмы просеивали, как через сито, воспоминания.

Изабелла не видела даже неба. Не слышала ничего, кроме скрежета ключей и редкого разговора тюремщиков.

Егише сидел в такой же одиночке, только в другом крыле тюрьмы.

Больше они не виделись.

Она вспоминала стихи Чаренца, посвященные ей, и не могла вспомнить. На ум приходили те, что часто передавали по радио и печатали в газетах: о Ленине, о партии, о самой лучшей на земле Советской власти. Но с особой горечью возвращала память есенинские строки:

"И меня по ветряному свею,

По тому ль песку,

Поведут с веревкою на шее

Полюбить тоску..."

Ее гордость и боль, помноженные на страх, подружились между собою и забились глубоко внутрь глаз, на самое донышко, недосягаемым затравленным зверьком.

***

Проснувшись утром от холода, Анаид, как всегда, позвала маму. Но та не отзывалась. Тогда, сидя в кроватке, Анаид стала звать ее громче и требовательнее. Проснулась Арпиник, ее старшая сестра.

- Пойдем. Вставай, - сказала Арпик.

Одев Анаиду, как смогла, Арпик повела ее искать мать по пустынным комнатам большого дома. Осматривая дом от подвала до чердака, дети не переставая кричали:

- Мама!

Но мать не отзывалась.

Тогда они заплакали, так, как плакали, если мама долго не приходила. Но и это не помогло. Долго и выразительно рыдая, они всхлипывали, бесцельно бродя из комнаты в комнату. Ненадолго успокаивались и начинали реветь снова.

Наконец они устали и стали выжимать из себя плач насильно, вжившись в роль. Но это надоело еще быстрее.

На окошко сел расхристанный воробей и бравурно чирикнул. Арпик залезла за толстую портьеру, впустив в комнату переливающиеся лучи ереванского солнца. Анаид тут же прилипла к Арпик.

Воробей чирикнул еще раз и улетел.

Сестры глубоко вздохнули. Плакать больше не хотелось. Хотелось есть.

- Давай играть в "Дочки-матери", - сказала чернобровая Арпик, ей было уже четыре с половиной года.

- Угу, - согласилась Анаид.

- Пойдем есть!

- Дём!

Они вернулись на кухню. Арпик подвязала младшей на два года Анаиде салфетку и стала кормить вареной рыбой, очищая ее от косточек, как делала мать.

- Поела?

- Да.

- Вкусно?

- Да.

- Говори "спасибо"! - учила Арпик.

- Сибо! - отвечала Анаид.

Они допили из кувшина молоко. И Арпик разделила последнюю лепешку на три части. Одну часть она оставила матери.

- Теперь пойдем гулять! - скомандовала Арпик.

- Дём! - согласилась Анаид.

Арпик давно хотелось выйти на улицу без взрослых. Ей хотелось увидеть, что находится там, за поворотом улицы, за глинобитными домами, за полосой трамвайной линии. Но Анаид боялась уходить далеко от дома. И Арпик, помня наставления матери не терять сестру из вида, все время держала ее в поле зрения.

Возле дома они гуляли долго, до темноты, но мать не пришла.

Тогда они легли прямо на трамвайных путях и уснули.

Они спали так крепко, что утренний гудящий и звенящий трамвай не разбудил их.

Перепуганный водитель остановил машину, глубоко вздохнул, глядя на брошенных детей, бережно взял их на руки и перенес в безопасное место. И они не проснулись, только всхлипывала, прерывисто дыша во сне, Анаид.

На следующий день они бродили возле дома, зовя мать, но уже не так настойчиво. Сердобольные соседки приносили прямо на камни мостовой в мисках еду и оставляли украдкой, боясь, что и их заберут в ЧК. По той же причине не приходила и бабушка Анна... По Еревану прошел слух, что дети Чаренца спят зимой на камнях и их кормят из миски, как собак. Но и тогда Анна не решилась их защитить.

Через месяц дети, истощенные и притихшие, попали в интернат. Открытый дом разграбили соседи. Утащили дорогую посуду, редкие персидские ковры, книги. Не посмели только снять со стен фотографии Чаренца и его жены Изабеллы, да еще содрать китайский шелк...

***

Через полгода осужденную как политзаключенную на десять лет Изабеллу погнали этапом из Еревана в Кисловодск,

где отбыла она год, а оттуда через Каспий перевезли в Мангышлак. Но и там задержали недолго.

Когда их перевозили по морю на барже, огромный нефтяной танкер ударил по корпусу судна. Люди, осужденные за политическое "ничто", тонули, очумело барахтаясь в холодной воде. Подоспевшее рыболовецкое судно не могло вместить всех. И рыбаки выбирали, над кем смилостивиться. Изабелла, оказавшаяся в волнах в одной нижней рубашке, отчаянно боролась за свою жизнь. Видно, приглянулась она, яркая, с безнадежной просьбой обжигающих карих глаз, какому-то рыбаку, раз протянул он ей спасательное весло.

Из тысячи спаслись единицы. Через полчаса на месте катастрофы плавали только подушки и чемоданы...

В Ташкенте, в зоне политического лагеря, ей дали номер 559056. Немного помогал спецпитанием врач-армянин. Изабелла чуть поправилась, когда через год лагерная комиссия приняла решение этапировать заключенных в Караганду.

И еще два с половиной года в одиночной камере...

***

Зимы и весны проходили где-то там, за стенами.

"Я про чужую боль пою, а мне мерещится, что про свою..." - возвращало время ей стихи Чаренца. Нет. Он чувствовал ее, свою боль, через чужую, через будущую боль Изабеллы. Он пел именно про свою боль, бедный Егише.

В долинах Армении по-прежнему женщины по весне собирали листья для далмы. Ненужные листья первого кистевого среза. Так срезало время ненужных людей. Ненужными этой стране чиновники набивали тюрьмы...

Изабелла уже не удивлялась, откуда же такое количество политических. Чтобы не сойти с ума, она мучительно вспоминала обрывки стихов Чаренца, выцарапывая их на стенах. Иногда память возвращала целую строчку, иногда только яркий образ, но иногда одно лишь слово. Одно лишь слово порою помогало ей выжить в суровых застенках.

"Нас не понял никто, и смешило людей

Наших пристальных глаз голубое свеченье...";

"Ведь от тебя, смеющейся, огни...";

"Весь растворясь в любви, я пестовал тоску...";

"И прохлады отрада касалась лица,

Целовала, как любящая, без конца...";

"Вся душа твоя - грусть,

Блеск далекой звезды..."

Она понимала теперь, что это нельзя стереть ластиком. Как он был прав!

***

- Вы жена Чаренца?

- Да.

Врач разглядывал папку с ее личным делом.

- Какой у вас срок? На какой стадии?

- Почти половина. Пять лет.

- Я попрошу, - сказал он тихо по-армянски, - чтобы за хорошее поведение одиночную камеру тебе заменили на поселение, дочка...

Так в январе 1941 года Изабелла была переведена в Карагандинский ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГ), описанный в свое время Солженицыным.

Местечко называлось Каркаралинск. Бедолаг погрузили на ЗИС-5 и повезли. Спастись в тридцатиградусный мороз в открытом кузове помогло верблюжье одеяло, которое подарил Изабелле врач-армянин. Укутавшись вместе с подругой Руфиной, женой бывшего председателя Ленинградского исполкома, в это одеяло, они с трудом могли согреться. На остановках охрана проверяла, не замерз ли кто до смерти, и трупы скидывали прямо за борт на обочину.

В Каркаралинске опять помогли армяне. Вывели за зону. Благодаря своему образованию, Изабелла попала на узел связи. С вечера до утра она находилась в камере. А днем работала.

О начале войны Изабелла узнала первая в Каркаралинске, потому что на узле связи работала и за кассира, и за переводчицу, и за телеграфистку...

***

Караганда для фронта являлась важным стратегическим объектом. Своеобразной кузницей мяса и лошадей. Дикий, необразованный, грязный народ Казахстана, особенно на окраинах республики, был почти неуправляем.

Руфину взяли в детский сад. И днями, выходя из зоны, она смотрела за детьми чабанов, учила их русскому языку.

Но даже при таком ослабленном режиме два года в разгар войны подорвали здоровье как Изабеллы, так и Руфины.

***

- Девушка! Соедините! Алло! Девушка! Черт! Опять прервали...

- Что? Никак? - Изабелла пыталась соединиться с центром, не глядя на Григория. На улице мела пурга.

Она чувствовала, что нравится ему. Она почувствовала это сразу.

Связь срывалась. Изабелла нервничала. Наконец дозвонилась...

- Подождите в течение часа, - сказала она.

Григорий не смог скрыть радости, что в течение часа останется здесь, в теплом узле почтовой связи, рядом с Изабеллой. Он знал про нее уже почти все. Что она жена Егише Чаренца. Что отбывает ссылку как политзаключенная...

Что-то неземное тянуло его к этой женщине. Что-то космическое. Ее карие лучистые глаза - точно арки мостов над

темными озерами, где опрокинуты волшебные звезды. Да! Именно такую женщину мог любить знаменитый поэт! Григорий сам едва не становился поэтом, когда заходил на почту.

- Григорий Семенович, а вы только ветврач или людей тоже лечить можете?

- Конечно, могу. Человек мало чем отличается от животного.

- Интеллект - это мало?

- Попала в десятку. Кипяток есть?

- Найдется. - Изабелла поставила на печурку чайник.

Григорий вызволил из кармана припасенную заранее банку тушенки, несколько кусочков сахара, пряники...

- Что вы! Что вы! - запротестовала женщина так, словно перед ней рассыпали груду алмазов.

- Вы очень истощены, сударыня, - твердо сказал Григорий Семенович. - Я настаиваю. Ну?

Но Изабелла, привыкшая жить в страхе, не притрагивалась к пище, а глотала кипяточек из кружки.

- Ну, пожалуйста, - мягко пододвинул к ней еду Григорий. – Пожалуйста...

И забросил в ее кружку кусочек сахара.

- Вы меня, как белку, приручаете? - улыбнулась Изабелла.

- Да, ИзаБЕЛОЧКА, - пошутил Григорий.

Зазвонил телефон.

- Ало! - подбежал к нему Григорий. - Да! В районе Каркаралинска эпидемия! Да! Камеры для сжигания скота готовы... И душевые для дезинфекции населения тоже... Нет... Народ совершенно не слушается. Нужна поддержка. Нет. Добровольно не идет. Да. Хорошо. Добро!

Обрыв связи.

- Спасибо, - сказал Изабелле Григорий.

- Спасибо вам, - ответила Изабелла.

- Убери это, оставь себе, - показал он на продукты.

- Нет, ну что вы…

- Я сказал - оставь! Все. Пока. Я еще зайду...

***

Она уже не была той девочкой, что приехала в Ереван с распахнутыми глазами. Нет. Пережитое не состарило ее. Только во всей фигуре, в лице ее, в глазах появился настой выдержанного временем виноградного нектара, благородный привкус коньяка, лучистая мудрость.

Если можно сказать, что она стала дороже, то да - она стала дороже. Может быть, умнее, может быть, терпеливее, осторожней. А может быть, жаднее до жизни. Если можно сказать, что она стала прекрасней, то да - она стала прекрасней в тысячу раз.

Григорий чувствовал, что такая женщина попадается раз в жизни; женщина, которая опустошает и наполняет новым

смыслом одновременно. А ты стоишь и думаешь после свидания с ней: " А что это было?" Одним только воспоминанием о ее взгляде он согревался в холодной постели. И мечтал о мягких ямочках ее пьянящих губ.

***

Григорий Семенович Уланов закончил Ветеринарную академию в тридцать шестом с золотой медалью. С тех пор работал ветврачом.

Во время войны его назначили начальником отряда по локализации инфекционных заболеваний. Среди населения бытовала высокая завшивленность, тиф. На диких степях Каркаралинского округа обитали в основном неграмотные чабаны. Их раздевали, сгоняли в пропарочные душевые камеры для дезинфекции. Частенько эта процедура проходила с участием милиции.

Среди скота лютовал ящур и сибирская язва, в те времена болезни практически неизлечимые. Приходилось сгонять скот в камеры для сжигания, обливать струей бензина и уничтожать бедных животных, дабы не распространить заболевание.

Опилки обрабатывались. Делались профилактические прививки.

Сюда он попал из-за эпидемии. И каждый день приходил на узел связи докладывать в центр о ходе операции по борьбе с инфекцией.

Население добровольно на обработку не шло. Требовались силы для поддержки. И Григорию пришлось обратиться к начальнику лагеря за помощью. Так он подружился с его замом, который в то время был без ума от Руфины. Так он узнал подробности про Изабеллу.

Отряд получал специальный паек, естественно, отличающийся от лагерной скудной пищи. В него входили и сахар, и масло, и манная каша, которая была в те голодные времена на вес золота.

И наши "джентльмены" стали подкармливать женщин. Сначала исподтишка, потом все более открыто и настойчиво. Изабелла и Руфина заметно поправились, похорошели от такого внимания и заботы. Не то чтобы мужчины искали путь к их сердцам через желудок, а просто это было необходимо, чтобы выжить в тот момент.

Но у обоих женщин были мужья, что являло серьезную преграду для более глубоких отношений.

С помощью начальства послали сразу два запроса по разным тюрьмам.

"Руфина, не жди меня. Я – мертвец!" - пришел ответ с Колымы.

"Изабелла, Чаренца убили в 37 году. Твои дети в интернате. Анна", - пришло из Еревана.

***

Все ночи черны. Они похожи одна на другую. Похожи одна на другую женщины-политзаключенные. И если есть в каждом человеке правда, то в их глазах можно узреть истину. Тем же похожи и могилы. Все они ночью сиротливы. Так сиротливы, что, стоя рядом, хочется выть. Потому что там, внутри, - истина...

На расстрел везли десятка два женщин. Лагерное население время от времени отстреливали, как ненужный, заболевший язвой, скот - только трупы не сжигали, а просто забрасывали землей.

Среди этих женщин была Изабелла.

Ее должны были спасти, но она сомневалась: вдруг что-то пойдет не так, на карту была поставлена жизнь, и любая осечка могла привести к ее гибели.

Их выстроили у заранее приготовленной могилы:

- ...ярым антисоветчикам вынесен смертный приговор...

Изабелла стояла на горке земли, которая уползала из-под ног, ей хотелось забраться повыше, но ноги непослушно уходили в рыхлую землю. Так страшно, точно земля сама хотела забрать ее, поглотить в свою ненасытную до мертвецов утробу. Земля забиралась в туфли и щекотала между пальцами.

Их осветили фарами машины. Отряд, во главе с начальником лагеря и его заместителем, прицелился.

Дыхание сбивалось. Изабелла зажмурилась до резкой боли в голове. Сердце заколотилось так, точно хотело, чтобы его услышали и небо, и земля, и эта равнодушная ночь, похожая на тысячи других ночей, и эта пустая сиротливая могила, и эти люди, целящиеся в него. Изабелла подумала, что так же, наверное, целились в Егише, в его пламенное сердце. А еще она мельком вспомнила, как бесновался ветер у могилы Есенина, и губы прошептали грустные безысходные строки: "Языком залижет непогода прожитый мой путь..."

Раздался выстрел. Деревья задрожали, как голые дети.

Заговор осуществился. В ее соседку по несчастью выстрелили двое. В Изабеллу - ни один. Но она упала в яму, точно мертвая, - ждать, когда ее спасет Григорий.

Он откопал ее сразу после того, как солдаты быстро забросали яму и уехали.

Задыхающаяся Изабелла едва не теряла сознание. Укрыв женщину в телеге, Григорий увез ее и спрятал в казахском селении.

Так же спаслась и Руфина.

***

Теперь Изабелла числилась в списке расстрелянных.

К тому времени немцы взяли Украину. Беженцы заполонили Казахстан. Семья Улановых поселилась в селе Михайловском, затерявшись среди них.

В 1945 году у них родился сын Роман, а немного позже - Руфина и Михаил.

Но тайное вскоре стало явным. Ее узнали. И, конечно, донесли. Григория исключили из партии, лишили должности. А Изабелла вплоть до смерти Сталина в 56-ом, и еще три долгих года, не имела права выезда.

По понедельникам приходил милиционер и отмечал в журнале, что она здесь, сердешная.

***

Но вызрел плод времени. Еще один виток образовался на стволе жизни Земли. Ей объявили о полной реабилитации и прощении "народа".

Изабелла плакала. И не могла понять одного. За что? За что ей суждено было перенести все это?

Изабелла задумчиво замирала. Она была счастлива. Теперь она не боялась умереть. Она не боялась земли. Колеса поезда радостно стучали в такт ее сердцу. А навстречу летела страна розового туфа. Страна-сказка. Страна-мечта. Армения!

Она точно знала, что ее встретят дочери Арпиник и Анаид, которых она не видела двадцать лет.

Она точно знала, что литературные и всякие прочие культурные круги поднимут газетный ажиотаж вокруг ее персоны.

Она знала также, что откопает рукописи Чаренца и передаст их в Литературный музей Еревана. Возможно, часть

из них пришла в негодность, но что-то ведь должно сохраниться!

Она знала и то, что уже существует музей ее погибшего мужа в том доме, где жили они вместе, и что там она прикоснется к своим родным стенам, фотографиям, книгам.

Она знала, что Егише Чаренц теперь один из любимых и популярных поэтов в ее маленькой милой Армении. И дети изучают его произведения в школе.

Она знала, что однажды родится у нее внук с именем Рубен и будет любить ее больше всех, потому что поймет ее, как никто другой, как снег понимает уставшую землю.

Она точно знала: поезд нес ее туда, чтобы она могла умереть в Ереване, городе своих предков.

1998г.

ЛЕТАТЬ БЕЗ КРЫЛЬЕВ

Исключительный случай, когда русскому автору удается настолько точно уловить дух Армении. Никогда не видеть Еревана, и изображать его действительно поэтично, как это делал Эгише Чаренц, все равно, что летать без крыльев. Но ей это удалось. Светлана Савицкая была знакома с сыном и внуком Изабеллы Чаренц. По их воспоминаниям сделана эта оригинальная повесть-поэма. Сюжет выстроен на документальном материале. Но некоторые имена сознательно изменены с целью обозначить не только судьбу отдельно взятого поэта, но и показать в ней трагедийность поколения времен репрессий 37-38 годов.

Так, например фамилия второго мужа Изабеллы была Серазиев, а не Уланов. Фамилию Уланов носил ныне покойный внук Изабеллы Роман (Рубэн) по фамилии русской матери. О том, что он на самом деле Рубэн, автор узнала уже после написания повести, и дала посвящение. Также автор не могла знать некоторых подробностей о том, как и где сохранялись рукописи поэта во время ссылки Изабеллы.

Ниже я хотел бы привести официальную версию биографии Чаренца, как нам ее представляют историки.

Егише Чаренц по родился 13 марта 1897 г. в Карсе, Западная Армения. Впоследствии Егише Чаренц посвятил жизни армян в Карсе сатирический роман «Страна Наири».

Родители Егише Чаренца: отец Абгар Согомонян и мать Текхе Мирзаян, родом из города Маку. По этой причине Чаренц считал и себя родом из Маку: «Родина моя – ханская Маку», «Поэт, рождённый в городе Маку». Отец Чаренца был подданным Персии, и занимался торговлей коврами. Кроме Чаренца в семье было ещё шестеро детей: Ашхен, Мариам, Анна, Гехам, Сероб и Согомон. Семья Согомонянов в 1883 году бежала в Карин (Эрзурум), а оттуда в Карс. Отец Чаренца скончался в 1918-ом году, а мать – в 1932-ом.

В 1908 году Чаренц поступил в Карсское училище, где в 1910-ом в школьном альманахе «Гарун» («Весна») были опубликованы его стихи. Получив 4-5 летнее образование, Чаренц пополнял свои знания чтением литературы.

В 1914 году в Карсе вышел в свет первый сборник Чаренца под названием «Три песни печально-бледной девушке...», посвящённый первой близкой подруге поэта — Астхик Хондахчян. На книге уже стоял псевдоним автора – Чаренц. Анушаван Зидечян утверждал, что «Чаренц» произошёл от пушкинского «Анчар» с некоторой перестановкой звуков…

Вихри первой мировой войны и манящая мечта о национальном освобождении отрывают Чаренца от юношеских грёз — он оказывается среди добровольцев, шедших освобождать Западную Армению. Ужасы войны, крах национальных чаяний разрушают и эти романтические

иллюзии юноши. Он создаёт поэму «Дантова легенда» — одно из сильнейших описаний войны в начале XX века. Но даже эти калёные строки не облегчили потрясённую душу поэта. Слишком уж сгустились тучи тоски и отчаяния, нависшие тогда над страной Наири.

В 1915 году Егише Чаренц отправляется в Москву для продолжения своего образования, и поступает в Университет Шанявского. В феврале 1917 года со студентами университета участвует в освобождении политзаключённых Бутырской тюрьмы.

В начале 1918 года, вследствие усиления турецких нападений семья Чаренца переселяется в Майкоп. В том же году Чаренц навещает родителей, и участвует в политических событиях Северного Кавказа.

В 1918 году Чаренц вступает в ряды Красной Армии, а в 1919-ом возвращается в Ереван, и некоторое время работает учителем. В том же году в Тифлисе выходит в свет поэма «Неистовые толпы», которая стала заметным событием не только в творчестве Чаренца, но и во всей армянской поэзии.

В 1921 году Егише Чаренц женился на Арпеник Тер-Аствацатрян, которая вследствие осложнённой беременности скончалась в 1927 году. Чаренц очень тяжело перенёс кончину жены. Памяти Арпине посвящены несколько произведений Чаренца. В 1931 году Чаренц женился на Изабелле Ниазян, которая в 1932 году родила Арпик, а в 1935 году вторую дочку

— Анаит. В июле-августе 1936 года начались аресты ряда армянских писателей, в свидетельствах которых упоминается и имя Егише Чаренца. В сентябре Чаренц был взят под домашний арест; его обвиняли в контрреволюции, национализме, троцкизме и терроризме. Из библиотек и книжных магазинов изымаются книги Чаренца, приостанавливается публикация уже готовых книг. Притеснениям потвергается и семья Чаренца.

В порыве гнева он говорит резкие слова в адрес тех руководителей, кто довёл его семью до такого состояния, и его арестовывают с обвинением в антисоветской деятельности. Чаренц из тюрьмы писал жене: «Будь крепкой, родная, даже если и на улицу бросят. Ведь не мы одни так страдаем, но и очень, очень многие такие же люди, как и мы». Жена Чаренца — Изабелла — пытается всячески помочь мужу, вызволить его из тюрьмы и доказать его невиновность.

К сожалению, ей не только не удаётся спасти Чаренца, но её письмо-просьба освободить мужа, учитывая его невиновность и плохое здоровье, оборачивается против неё. 23 ноября 1937 года арестовывают и Изабеллу Чаренц. 27 ноября в 7 часов утра Егише Чаренц скончался в ереванской тюремной больнице. По официальным данным, вскрытие показало, что причиной смерти послужило общее истощение организма вследствие многочисленных заболеваний. Посмертно был реабилитирован в 1950-х годах.

Литературный консультант
Эдуард Джанибекович Хачатурян.
Перевод Анны Барсегян.

На фото: Светлана Савицкая и внук Изабеллы Чаренц Рубэн Уланов (Серазиев)

ОБ АВТОРЕ

Савицкая Светлана Васильевна живет в Москве. Писатель. Художник. Бард. Продюсер. Первый обладатель (2000г.) Почетного знака и Звания **Золотое Перо Руси** от Правительства Московской области «За развитие сказочного жанра Подмосковья». Председатель правления с 2004 года Международного проекта Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси», в котором на данном этапе принимает участие 69 стран мира.

АКАДЕМИК ордена Ломоносова Международной Академии Интеграции Науки и Бизнеса (**МАИНБ**), **Член** Союза писателей **России**(**СП**), Международного союза писателей(**МСП**) **Новый современник**, Всемирного союза писателей(**ВСП**), Мюнхен при **ЮНЕСКО**, **Почетный член** Академии Международной Академии экологической

безопасности (**МАНЭБ**) по секции Образование, **Почетный член** Российского общества изучения проблем Атлантиды (**РОИПА**), **Почетный член СП** Крагуевац, **Сербия**. **Член-корреспондент ПРА**(Православной русской Академии). **Почетный член** Творческого объединения «Лира» г. Штутгард, **Германия.**

Обладатель **ордена «Трудовая доблесть России»** (2010г.) от Всероссийской общественной организации Героев СССР и России «За развитие и поддержку русского языка в РФ», **Ордена «За заслуги перед Отечеством II степени»** (2007г.) и Графского ордена на ленте от Княжеского Совета Всея Руси (2006г.) «За истинное благородство слова и дела».

ОБЛАДАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ от Союза писателей России и **Орденов** им. Владимира **Маяковского**(2010г.), «За глубокое психологическое исследование, смелую творческую новизну и литературные находки романа «Назови имя Бога», Г.Р. **Державина**(2010г.) «За высокий литературный уровень повести «Я верю тебе, мама», С. **Есенина** «Золотая осень»(2012) «За переводы сербских песен в стиле народной поэзии» и медалей **А.П. Чехова**(2008г.), **А.С. Грибоедова**(2009г.) «За высокое художественное мастерство короткого рассказа».

Обладатель литературной премии и медали от Военной студии писателей при Министерстве обороны России им. Александра **Суворова** (2008г.) «За верность Отчизне», Литературными премиями от Союза писателей «Новый современник» и медалями им. Сергея **Есенина** (2008г.) «За лучший роман года 2007 «Распутай время», Михаила **Достоевского** (2008г.) «За красоту, гуманизм, справедливость», медалью «За заслуги в культуре и искусстве»(2010г.), медалью Л.Н. **Толстого** «Воспитание. Обучение. Просвещение. За фундаментальную историческую прозу» (2011г.).

Обладатель **ордена** и Звания «**Заслуженный деятель мировой литературы**», учрежденного Содружеством союзов писателей ЗП, Всемирным университетом совместно с МЦИП СФ ФС РФ (2007г.) **Обладатель Золотой медали** « Arts et letters - Художников и литераторов» от Русского Дома в **Бельгии** «За сохранение русского языка и вклад в мировую литературу». Обладатель высшей **литературной награды Сербии** из золота «**Златна круна**» с прилагаемым сертификатом «За преумножение национальных славянских культурных традиций».

Отмечена другими почетными знаками, медалями, плакетками, кубками, дипломами, грамотами и благодарностями за высокую гражданскую позицию и литературными наградами от правительств и государственных учреждений из более чем **25 регионов России, а также от организаций разных стран и посольств: Великобритании, США, Канады, Дании, Швеции, Австрии, Бельгии, Германии, Испании, Израиля, Кубы, Польши, Сербии, Словакии, Чехословакии, Болгарии, Украины, Беларуси.**

В периодике вышло более **1500** статей, **500** сказок и притч, **2** монографии, **10** крупножанровых произведений, **300** авторских телепередач. Опубликовано более **30** авторских книг на русском, английском, немецком, армянском, украинском, татарском, словацком, сербском языках.

Образовано и активно действует в течение 7 лет более **20** музеев сказок писателя Светланы Васильевны Савицкой и музейных уголков в России, Бельгии, Испании, Германии, Индии, Словакии, Сербии, Украине.

Образцовая многодетная мать, вырастившая двух сыновей, окончивших вузы с Золотыми медалями и дочь, окончившую вуз с красным дипломом. Муж профессор. В браке более тридцать лет.

СТИХИ ЭГИШЕ ЧАРЕНЦА

Перевод на русский
Ашота Сагратяна

*** * ***

Ты тлеешь и тлеешь во мне,
Во мне разгораешься ты,
На мерно-извечном огне
Кристальной своей чистоты.
Я беден, несчастен и сир,
Скорблю, как моя страна,
Которую бросил мир...
Молчит, безутешна, она.
И как мне тебя позвать:
Губами припасть - к губам?
О, как мне тебя позвать,
Чтоб встретиться снова нам?!

* * *

Поднимите глаза! —
Я иду, я иду!
Из угрюмого чрева веков,
Я седые мечты за собою веду
И стихи наших дней без оков…

Поднимите глаза! —
Узнаёте меня?
Я любил этот мир — от зари...
В ядовитой траве умервщлённого дня
Я бескровные крылья зарыл
И оставил, когда непроглядная тьма
Ваши души брала неуёмные в плен...
Я иду многолик, как природа сама,
Где гулящей под стать, где - молитвой смирен.

* * *

Красные кони как вихри летят,
Гривы горящие красные кони,
Блеском стальным их подковы горят,
Мчатся горячие кони-драконы.
Красным пожаром объята страна,
Красные кони её подпалили,
Красных коней пробегает стена,
Скачет тревога храпящая, в мыле.
Стелется пламя по лентам дорог:
Красные кони летят оголтело.
Мрамор дворцовый летит из-под ног,
Всюду пожары - священное дело.
Красные кони как вихри летят,
Гривы горящие красные кони...
Знаки зловещие следом чертя,
Мчатся горячие кони-драконы.

* * *

Я солнцем вскормленный язык моей Армении люблю,
Старинный саз, надрывный лад и горький плач его люблю.
Люблю цветов горячий плеск, пьяняще-тонкий запах роз,
И наирянок чуткий стан в обряде танца я люблю.
Люблю густую синь небес, озерный блеск, прозрачность вод
И солнце лета, и буран, что гулом глухо с гор идет,
И неприютный мрак лачуг, и копоть стен, и черный свод,
Тысячелетних городов заветный камень я люблю.
И где бы ни был, не забыть - ни наших песен скорбный глас,
Ни древнего письма чекан, молитвой ставшего для нас.
Как раны родины больней ни ранят сердце каждый раз,
Я - и в крови, и сироту - свой Айастан, как яр, люблю.
Для сердца, полного тоски, другой мечты на свете нет,
Умов светлее, чем Кучак, Нарекаци - на свете нет.
Вершин, седей, чем Арарат, свет обойди - подобных нет,
Как недоступный славы путь - свою гору Масис люблю!

1918-1920 гг.

“Потусторонние стихи”

Как много горечи во мне осело ядом
И как от времени несёт тяжёлым смрадом.
Чего не знал, не понял я в заветах предков?!
Пока ж безжалостная жизнь мрачна на редкость.
Что друг, что враг, они во мне - разверсты раной.
Друг отвернёт, а враг опять пойдёт тиранить.
Хоть жизнь у всех была одной, общинной даже,
Куда ни глянь, а всяк к своей тянулся пряже.
Сидел и я в своём углу мрачнее тучи
Без сна и робостью своей нещадно мучим.
И пожинал я этот яд за труд посильный,
И горечь капала в меня, как дух могильный.

1934г.

БРЕД

Он был беззуб, тот череп, что приматом
Сидел на горле и душил меня, душил,
И на рубашку мне в ночи сочился ядом
И звался просто - “нежностью души”...

1934г.

* * *

С девятого, как будто с этой даты -
До омерзенья памятного дня -
Мой каждый стих, самим собой распятый,
По сути обнажается в меня,
К ущербу ли, к хвале собой клоня,
К нелепым обстоятельствам прижатый,
Так обезличен - надо же суметь?! -
Несёт печальный крест бездушной даты,
Где вся цифирь зияюща как смерть.

9.VII.1936

* * *

В растерянности вновь стою перед собою,
Беспомощный, один, совсем как в поле дуб,
Где рядом нет дерев, где только ветры воют,
Где каждый их порыв свиреп, жесток и груб.
Где, прилепясь к земле, три сереньких куста
Подобны людям, тем, кому известна тайна –
И чьё-то имя тихо шепчут их уста,
Мечтая о поле, где дуба нет случайно...

20.VIII.1936

* * *

...И как случилось в жизни справедливой,
Что вдруг рука пошла сама собой
Венчать стихи не словом горделивым,
А черствых дат терновостью сухой?!
И стали эти просто заголовки –
Следы от выцветающих чернил –
Магическими знаками у бровки
Крестом не обозначенных могил.

26.VIII.1936

Светлана Савицкая

Литературно-художественное издание
международный проект
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА

В авторской редакции

Перевод Анны Барсегян
Сопроводительная статья
Литературного консультанта
Эдуарда Джанибековича Хачатуряна
Стихи Эгише Чаренца
в переводе Ашота Сагратяна
Руководитель проекта Александр Бухаров
Верстка Алексей Трестьян

Подписано в печать 23.04. 2013 г.
Формат 60х90/32. Усл.п.л. 8,45.
Тираж 2000 экз. Заказ № К-1023.

Издательский Дом «Золотое Перо»
Москва ул. Большая Никитская д. 53
Сайт www.perorusi.ru
8-916-161-60-23 bux67@yandex.ru

Отпечатано в типографии
ООО «ДПС»
Российское производство канцелярских товаров
141700, г. Долгопрудный, ул. Летная, д.9
e-mail: office@dps.ru